

К ВОПРОСУ ОБ ОПРИЧНИНЕ ПРИ ИВАНЕ IV

В. Н. Шевяков

С. Дубровский в статье «Против идеализации Ивана IV» справедливо ставит вопрос о неправильном освещении деятельности Ивана IV в ряде работ не только дореволюционных, но и советских историков. Присоединяясь к выводам С. Дубровского и его анализу историографии этого периода, я хотел бы поставить один важный вопрос, связанный со складыванием и укреплением русского национального государства: сыграла ли опричнина Ивана IV прогрессивную роль в этом процессе?

Обратимся к фактам. Слияние удельных феодальных княжеств-полугосударств в мощную общерусскую державу началось в конце XIII — начале XIV века. Под влиянием развития производительных сил и необходимости борьбы за освобождение из-под ига татаро-монголов силы русского народа стали концентрироваться под властью Москвы. Процесс образования русского национального государства шел то медленнее, то быстрее, но шел безостановочно; отдельные лица могли ускорить его или задержать, но не в силах были остановить.

В 1480 г. Русь наконец сбросила с себя ненавистное татарское иго. Под власть московского государя стали переходить со своими уделами русские, белорусские, украинские феодалы. Московские князья, в прошлом татарские данники, превратились в независимых, очень сильных монархов. Покорение удельных князей и освобождение их от татарского ига было окончательно завершено при Иване III.

Образование централизованного государства обеспечило русскому народу независимость и создало более благоприятные условия для развития производительных сил. Ф. Энгельс писал: «...Королевская власть... была прогрессивным элементом,— это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹.

Создание централизованного государства позволило феодалам усилить закрепощение крестьян и горожан. Объединение русских земель дало возможность создать общий свод законов. Судебник Ивана III ограничивал переход крестьян от феодала к феодалу определенным сроком. Изменилось положение господствующего класса.

При создании общерусского государства ранее независимые великие и удельные князья с их боярами превращались в бояр московского великого князя, ставшего общерусским государем; при нем они стали исполнять должности, которые прежде исполнялись мелкими феодалами-помещиками, например, постельничьих, ловчих, стольников, кашников и т. д. Московский князь сохранил за ними вотчины, но наделял их за службу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I, стр. 445.

поместьями. Они «испомещались» на кормление в качестве наместников великого князя в городах и волостелей в волостях, собирая доходы в свою и московского государя пользу, ведая местным судом, администрацией, вооруженными силами. Кормление по своей сути приближалось к поместью, походило на его разновидность. Знатные феодалы стремились держаться поближе к государю, занимать в думе более почетные места, чтобы таким образом получить побольше поместий, повыгоднее кормления, получше должности в государстве. Эти места и должности они стремились закрепить за своими наследниками.

Изменилось положение помещиков. Попав в личное услужение к московскому государю, дворянин-помещик мог надеяться выслужиться, получить большие и лучшие поместья, хорошую должность при государе. Его отнесняли родовитые слуги государя, поэтому он был горячим сторонником уничтожения вотчин и вотчинников любыми средствами. Уже у Ивана III основные вооруженные силы состояли из мелких военнослужилых людей, лично зависевших от него. Все земли в стране, не принадлежавшие вотчинникам, были собственностью государства и государя, его вотчиной, его доменом, в котором жили его слуги вольные, его помещики. Государь был заинтересован в том, чтобы расширить свой домен, увеличить свое войско за счет помещиков. Опираясь на них, Иван III стал лишать вотчинников их вотчин, удельных князей — их уделов и таким образом расширять свой домен. Вотчинников он превращал в помещиков или казнил, если они сопротивлялись; отнятые у них владения раздавал в поместья своим слугам вольным, детям боярским, дворянам.

В 1510 г. Василий III вывел из Пскова в Москву 300 семей крупных феодалов, вотчины их отписал на себя, а их «испоместил» по разным центральным уездам, превратив в помещиков. Так резко сокращалось вотчинное землевладение, уменьшалось количество вотчинников, слабело их сопротивление. Разрастался домен государя, росла его сила за счет помещиков, создавались условия для деспотизма и тирании.

Василий III совсем перестал считаться с боярской думой. Думный человек Иван Никитич Берсень-Беклемишев тайком жаловался Максиму Греку, что государь все важные дела решает, «запершись сам-третей у постели»², то есть в спальне, вместе со своим дворецким и дьяком. Власть государя была доведена до степени абсолютной монархии, никакой нужды в опричнине не было.

Мирным путем, опираясь на внутренние силы, Иван III хотел ослабить духовных вотчинников, прежде всего монастыри. В 1503 г. на церковном соборе при его поддержке выступили заволжские старцы, монахи-нестяжатели во главе с Нилом Сорским, поставившие вопрос о добровольном отказе монастырей от своих вотчин. Большинство участников собора во главе с игуменом Волоцкого монастыря Иосифом Саниным выступили против нестяжателей. Василий III столкнувался с иосифлянами, и вопрос о церковных вотчинах был отложен.

В период малолетства Ивана IV развернулась борьба за власть между боярами. То одна, то другая боярская партия захватывала власть, распределяла должности в государстве, грабила государственную казну, расхищала поместный земельный фонд, разоряла крестьян и горожан. Но ни удельные князья, ни бояре не ставили вопроса об уничтожении великокняжеской власти, о возврате к удельному периоду, к феодальной раздробленности. За время боярского самоуправства значительно усилились вотчинники за счет поместных владельцев, что привело к обострению противоречий между помещиками и вотчинниками, между мелкими феодалами-дворянами и крупными феодалами-боярами.

У помещиков крестьянам жилось гораздо тяжелее, чем у вотчинников; так как владения помещиков были временные, а не собственные, то владельцы не заботились об их устройстве, а думали только о том, чтобы побольше выжать доходов из своих владений, страшно опустошали поместья, обирали крестьян. Опустошив одно поместье, они просили у казны другое, и казна давала им новые земли с крестьянами. Помещики смотрели на вотчинников с ненавистью и завистью и готовы были при удобном случае расправиться с ними и поживиться за счет их богатых вотчин.

Появились помещики-публицисты, которые пытались теоретически обосновать необходимость разгрома бояр и конфискации их имущества. Царя они считали своим ес-

² «Акты, собранные Археографической экспедицией АН СССР» (ААЭ). Т. I, № 172, стр. 141—145.

тественным союзником и предводителем в борьбе с вотчинниками, бояр-вотчинников обвиняли в том, что они плохие слуги царю и отечеству. На самом же деле экономическое положение бояр-вотчинников связывало их больше с родиной, нежели дворян-помещиков. Вотчинник имел полную собственность на землю, которую он передавал по наследству детям, он владел ею независимо от своей службы. Помещик же владел поместьем, пока нес службу, пока его служба была нужна господину. Его положение было сходно с положением наемника, который служил за определенное вознаграждение: кто давал ему больше блага, к тому он мог и перейти. Дворяне-помещики были ближе московскому царю, нежели бояре-вотчинники, так как больше от него зависели и поэтому были более послушным орудием в его руках. Царь принимал их сторону и вместе с ними готов был покончить с вотчинниками, стремившимися сохранить в своих владениях некоторые остатки былой независимости. В конце 40-х годов XVI в. помещики при поддержке царя или царь, опираясь на помещиков, готовы были разделаться с крупными феодалами-вотчинниками, но против тех и других выступил их общий классовый враг — крестьяне, ремесленники, холопы. В 1547 г. в Москве и в провинции вспыхнуло народное антифеодалное восстание, которое напугало бояр, дворян и царя. Иван IV писал, что страх вошел в душу его и трепет в кости его. Восстание было подавлено, бояре, дворяне и царь на некоторое время примирились друг с другом.

Земский собор, составленный из представителей светских и духовных феодалов, бояр и дворян, посадских людей, издал новый свод законов, Судебник Ивана IV, отражавший прежде всего интересы дворян-помещиков. Церковный собор 1550 г. пресек расширение вотчин духовных феодалов, усиление самих духовных вотчинников вообще. Была проведена реформа местного управления, ликвидированы кормления, улучшена военная организация. Военная служба поставлена в прямую зависимость от земельных владений, что в некотором роде, по крайней мере по военной службе, уравнивало помещиков с вотчинниками. Были приняты меры к усилению личной власти царя. В 1550 г. из дворян-помещиков была выделена особая тысяча — полк московских дворян, которые должны были постоянно находиться при особе царя. Поместья им были розданы вокруг Москвы не далее 60—70 верст от столицы³. Горячий поклонник турецких порядков, в частности деспотии Магомета II, Иван Пересветов предлагал создать войско наподобие турецких янычар, 20 тыс. юнаков с огненным боем, которые стоили бы ста тысяч обычного феодального войска. Это пожелание в какой-то степени было выполнено. В 1654—1655 гг. было создано стрелецкое войско.

Иван Пересветов предлагал царю взять за образец турецкого султана Магомета II. Расправу с вотчинниками-боярами он обосновывал тем, что они якобы «крест целуют, да изменяют... за веру христианскую не стоят и государю верою не служат». Он уверял царя, что, раздавая им кормления, ставя их наместниками в городах и волостелями в волостях, московский государь сам создает угрозу возможности междоусобной войны в России: «Особную войну на свое царство напускает, дает города и волости держати вельможам». Пересветов предлагал расправиться с боярами жестоко, как делал это Магомет II: тот взведет вельможу «на высокий камень, да и пихнет его взашему на дол, да речет так: не умел еси... верно государю служитьи», а то с живого кожу сдерет, да и скажет «как обрастешь телом, отдаст ти ся вина»⁴.

Но обвинение бояр в желании затеять междоусобную войну, вернуться к феодальной раздробленности не имело под собой реальной почвы. Задолго до Ивана IV многие независимые княжества и земли сами добровольно присоединились к Московскому государству. Даже изменник князь Курбский, которого Грозный упрекал в том, что он будто бы хотел вернуться к удельному периоду и стать князем Ярославским, не имел этого в мыслях. Курбский стоял за монархию, но только чтобы царь советовался со своими приближенными, а не решал важные государственные вопросы единолично. Вот что он писал Ивану IV из-за границы: «Царю достоин быти яко главе и любити мудрых советников своих, яко уды свои»⁵.

³ «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М.-Л. 1950. стр. 53.

⁴ С. М. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов, публицист XVI в. «Чтения в обществе истории и древностей российских» 1908, кн. 1, отд. II, стр. 59—74.

⁵ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. XXXI, стр. 213.

Курбский недоумевал, чего ему, абсолютному монарху, самодержцу, еще не хватает; ведь все в его руках — и жизнь и собственность подданных, в том числе и бояр: «Уже не токмо единоплеменных княжат, влекомых от роду великого Володимера, различными смертями поморил еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще... был дед твой и отец не разграбили, но и последних рачиц, могу рещи со дерзновением... твоему прегордому и царскому величеству не возбраняхом»⁶. Но царь не хотел довольствоваться властью самодержца, абсолютного монарха. Монах Вассиан Топорков, бывший коломенский епископ, говорил ему: «Не держи себе советника ни единого мудрейшего себя, понеже сам еси всех лутчи, тако будещи тверд на царстве и всех имати будещи в руках своих»⁷. Иван IV решил стать восточным деспотом типа турецкого султана Магомета II. С этой целью он ввел опричнину. Для введения опричнины Ивану IV и его единомышленникам нужен был предлог. Предлог нашелся. В 1564 г. крымские татары опустошили Рязанскую землю. Русские войска в Ливонии потерпели поражение. Воевода князь А. М. Курбский, единственный из оставшихся в живых членов Избранной рады, бежал в Литву. Иван IV воспользовался этим предлогом, объявил всех бояр и князей-вотчинников изменниками, а духовных феодалов-вотчинников во главе с митрополитом — их пособниками.

В опричнину были взяты самые лучшие, наиболее богатые центральные города и уезды, густо заселенные крестьянами, ремесленниками, торговыми людьми, а именно часть Москвы, города с уездами Можайск, Вязьма, Козельск, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Старица, Старая Русса, Дмитров, торговая сторона Новгорода и другие местности, в которых было много владений вотчинников. Всех бояр-вотчинников из них выселили и дали им земли на окраинах государства на поместном праве. Большинство из них фактически ничего не получило, так как вместе с женами и детьми было физически уничтожено. Царский домен резко увеличился. Место бояр-вотчинников заняли помещики — оплот царского деспотизма и тирании.

Все современники и даже участники опричнины, наши русские летописцы и иностранные мемуаристы отзываются о ней отрицательно, характеризуют ее как особо хищническую, террористическую форму эксплуатации, ограбления и истребления трудящихся крестьян, ремесленников, холопов; средство обогащения царя и его непосредственной опоры — дворян-помещиков — за счет всего остального населения⁸, начиная со светских и духовных феодалов-вотчинников, купцов и кончая простым народом. Опричники Грозного Таубе и Крузе, касаясь обвинений в массовой измене, брошенных царем своим подданным, притворного отказа царя от власти, отъезда его в Александровскую слободу, введения опричнины, говорят: «Планы и мнения великого князя были противоестественны, ибо положение вещей не вынуждало его оставить государство и тем менее подозревать все население в измене, причина всего этого была лишь та, что он хотел удовлетворить своей ядовитой тиранской наклонности»⁹.

По мнению летописца, до опричнины все было хорошо, русские имели успехи во внутренних и внешних делах: «Бысть при державе великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца, на Москве и во всей Русской

⁶ Там же, стр. 1, 114—115.

⁷ Там же, стр. 212.

⁸ «Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы какую сумму денег. И хотя бы до этого опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады — ни духовному, ни мирянину (Г. Ш т а д е н. О Москве Ивана Грозного. Изд. Сабашниковых. 1925, стр. 86). «Много богатых торговых людей, много бояр и богатых гостей из земских... закладывались вместе с женами и детьми и всем, что у них было, за тех опричников, которых они знали, продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: уходите, откуда пришли. И (земские) должны были Бога благодарить, что ушли непобитые» (там же, стр. 95); ср. «Опричники посылали провокаторов в дома феодалов, горожан, крестьян под видом беглых укрываемых воров, устраивали скорый суд и конфисковали имущество этих людей, требуя уплатить громадные штрафы; они вынуждали их продавать жен, детей, ставили на правеш» («Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе». «Русский исторический журнал». 1922, кн. 8, стр. 37—38).

⁹ «Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе», стр. 34.

земли, в государевой вотчине тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми ордами, многие грады и земли приклонялися под его государеву державу; и того же году и Полоцк взял» (1563). Но вот «царь учинил опричнину: и бысть мятеж по всей земли и разделение. И сбься христово слово: возста сын на отца, и отец на сына, и дщи на мать, и мать на дщерь и врази человеку домашние его. И оттого бысть запустение велие Русской земле»¹⁰.

Иван IV, не в пример своему деду Ивану III, оказался плохим дипломатом, восстановил против себя всех своих соседей, так что они все одновременно воевали с Россией. Воспользовавшись внутренним состоянием страны, в 1571 г. на Москву двинулся крымский хан Девлет-Гирей. Царь с опричным войском вышел ему навстречу, но струсил и, не приняв боя, обратился в бегство, бросив столицу на произвол судьбы. Трусость царя и опричников, их предательство обошлись очень дорого Москве и русскому народу. Татары со всех сторон подошли к Москве, перебили массу беззащитного народа и свыше ста тысяч людей увели с собой в плен, продали в рабство.

В 1572 г. татары снова двинулись на Москву. Царь с опричниками опять бежал. Защиту России и столицы он поручил тем, кому не доверял, кого обвинял в измене, а именно земскому войску под начальством опального князя Воротынского. Земское войско не допустило татар за сто верст до Москвы, наголову разбило их на берегах Оки, при впадении р. Лопасни.

В 1581 г. другой, еще более опасный, чем татары, враг, польский король Стефан Баторий с поляками, литовцами, немцами и венграми, осадил Псков, который Грозный обвинял в измене и наказывал. Земское войско под начальством князя Шуйского и «изменники»-псковичи отбили натиск Батория и заставили его пойти на мир. Часто те, кого Грозный обвинял в измене и которые бежали от него за границу, оказывались защитниками родины. Таким патриотом были князь Д. И. Вишневецкий, знаменитый казак Байда, гроза крымских ханов и турецких султанов.

Царь и опричники подвергали бессмысленному истреблению массу крестьян, ремесленников, холопов, купцов, уничтожали средства и орудия их труда, убивали скот, птицу, истребляли рыбу в прудах, сжигали жилища, хлеб на полях. По рассказам Таубе и Крузе, свидетелей и участников этого варварского истребления производительных сил, царь с опричниками шесть недель подряд ездил вокруг Москвы, уничтожая все живое в обширных и многочисленных владениях тех феодалов, которых он наметил истребить или уже истребил¹¹. Шлихтинг сообщает, что Иван IV год ездил по поместьям, истребляя все живое, людей и скот. Мужчин запирали в дома и взрывали; женщин насиловали и убивали, не щадили даже грудных детей. Все превращалось в пустыню, покрывалось пеплом¹².

В результате такой варварской реакционной политики Москва была опустошена. По словам Шлихтинга, город был наполнен трупами. Рассеченные люди валялись на каждой улице, трупами была заполнена Москва-река, так что ее воду нельзя было употреблять для питья. В городе были тысячи совершенно пустых домов. Голод и разорение вынуждали людей убивать друг друга и питаться человеческим мясом¹³. Совершенно опустели Коломна, Углич, Дмитров и другие города.

В 1569 г. царь решил уничтожить якобы за измену население огромных областей Тверской, Новгородской, Псковской. Во главе большого войска он выступил в поход. Чтобы сохранить в тайне свой замысел, всех встречных он поголовно истреблял. Переночевав в поместье или в городе, опричники утром сжигали все дома, истребляли всех людей, вплоть до грудных младенцев, скот, имущество и двигались дальше. Так они прошли через город Клин и вступили в Тверь. Стояла суровая зима. Опричники изрубили все окна и двери в домах, чтобы в них нельзя было жить, и стали расправляться с населением. Они замучили пытками, сожгли, утопили в Волге свыше 90 тыс. человек. Имущество казненных было разграблено или уничтожено. Сотни тысяч людей

¹⁰ ПСЛР. Т. III. Новгородская III летопись, ст. 343; ср. также «Сокращенный временник» до 1691 года.

¹¹ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе», стр. 11—12. Ср. ПСРЛ. Т. III. Новгородская III летопись, стр. 253—254.

¹² А. Шлихтинг. Сказание. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Изд. 2-е. Л. 1934, стр. 22—23. Ср. ПСРЛ. Т. III, стр. 257—258.

¹³ А. Шлихтинг. Указ. соч., стр. 49.

в Тверской земле умерли от холода и голода¹⁴. Такая же участь постигла Медынь, Торжок, Вышний Волочок и другие города и их окрестности.

Такое чудовищное истребление народа, разграбление и уничтожение имущества, то есть производительных сил, было на всем пути от Москвы до Новгорода, но особенно жестокому истреблению подверглись люди, скот, движимое и недвижимое имущество в Новгороде и на 300—400 верст в окружности. Летописец рассказывает, что Иван Грозный с опричниками подошел к Новгороду неожиданно, и все почувствовали, что наступила гибель. Все дороги были перехвачены. Нельзя было пройти ни в город, ни из города. Начались аресты. 2 января 1570 г. в город въехал сам царь. После обеда у архиепископа Пимена был дан сигнал к грабежам и избиению населения. Попов, монахов, богатых граждан, ремесленников выводили на площадь, били палками, требуя денег, сокровищ. Все лавки в городе были изрублены и разграблены. В церквях, монастырях, в домах граждан все ценное было забрано; чего не могли взять с собой опричники, то сжигали или бросали в воду. Запас товаров в Новгороде был очень велик, некоторые товары накапливались в течение 20 лет, например, воск, лен, пенька, восточные шелка, разного рода ремесленные изделия, — все это большей частью было сожжено или брошено в воду. Ограбленных, обесчещенных людей привязывали к саням и волокли по земле на Волховский мост. Там к женщинам привязывали маленьких детей, в том числе и грудных, и бросали в воду вместе с мужчинами, стариками и подростками¹⁵. Девушек насиловали, потом убивали. По Волхову в лодках плавали опричники с топорами, копьями, баграми и саблями. Тех, кто всплывал, они кололи, рубили и отправляли на дно¹⁶.

Так продолжалось шесть недель. Обычно ежедневно уничтожали таким способом тысячу — тысячу пятьсот человек, а когда случалось только 500 или 600, то новгородцы считали счастливым днем¹⁷. Летописец говорит, что только утопленных было 60 тыс. человек¹⁸.

Покончив с Новгородом, царь и опричники принялись за новгородские пятинны. Во все стороны от города на 200, 300 и более верст были разосланы отряды, которые подчистую избивали всех жителей, скот, все живое. Все населенные пункты, села и города, хлеб на полях, на гумнах, в закромах, все имущество и скот были разграблены и сожжены¹⁹. Уцелевшие люди или умерли от голода или разбежались. В новгородских пятиннах, согласно писцовым книгам, после этого разгрома 93% пашни запустело.

Опричнина не могла не задержать развитие производительных сил. Оставшиеся в живых труженики были страшно терроризированы и порабощены. Флетчер говорит, что «дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым или низшим классом народа, куда бы лицо этого сословия ни пришло, но в особенности там, где они имеют свои поместья или где определены царем для управления»²⁰.

До опричнины за русскими крестьянами сохранялось право перехода от одного господина к другому в Юрьев день осенний, при уплате долгов. Это до некоторой степени заставляло феодалов считаться с крестьянами, обращаться с ними так, чтобы они не покидали поместья. С опричниной это право крестьян было фактически уничтожено. С 1581 г. Иван Грозный ввел так называемые заповедные годы, в которые крестьяне не имели права покидать своих господ даже в Юрьев день. Таким образом крестьяне и юридически закрепощались. Это, естественно, обострило классовую борьбу. Масса крестьян уходила в казаки. Под самой Москвой стояли совершенно пустые села и города. Между Вологодой и Ярославлем, где никогда не бывали внешние враги, но

¹⁴ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе», стр. 48—50. «Великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все церкви и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради, а потом трупы их спускали под лед, в Волгу» (Г. Штаден. Указ. соч., стр. 90). В 1569 г. «во Твери царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея Руси многие люди поби, через Волгу яруу в два и в три» (ПСРЛ. Т. III. Новгородская III летопись, стр. 253—254).

¹⁵ ПСРЛ. Т. III, стр. 257—258.

¹⁶ Там же, стр. 258.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПСРЛ. Т. IV. Снегиревский список, стр. 343.

¹⁹ ПСРЛ. Т. III. Новгородская IV летопись, стр. 258—259; т. IV, стр. 313 («И по иным градам Новгородским также всея люди ограбил и монастыри и церкви»).

²⁰ Флетчер. О государстве русском. СПб. 1905, стр. 25.

побывали опричники, на целые версты тянулись огромные совершенно пустые села²¹. Города Углич, Дмитров, Новгород и другие стояли пустыми, в Можайске было 89% пустых домов, в Коломне — 92%, в Новгородском крае — 93% пустующих земель²². Таковы результаты хищнического отношения к производительным силам.

Могли ли к этому равнодушно относиться дворяне-помещики? Объект их эксплуатации бессмысленно истреблялся, пустые села и города не давали доходов. Наконец, под угрозой ставилось само существование страны. Опричники стали менять свое отношение к царю, который должен был выражать их интересы и с которым у них начались расхождения. Иван Грозный по своему обыкновению ответил казнями. Были уничтожены князь Вяземский, Алексей Басманов с сыном, Григорий Грязной с сыном и другие видные опричники. Но положение от этого, конечно, не менялось. Террор мог на некоторое время удержать отдельных лиц от выступлений, но не мог ликвидировать нараставшего общего недовольства. Недовольны были купцы, самих их истребляли, имущество грабили. Объект их эксплуатации — ремесленники, крестьяне — разорялся и истреблялся, торговля в стране падала²³. По сообщению Флетчера, русские до опричины вывозили ежегодно за границу 50 тыс. пудов воска, в 1588—1589 г. — только 10 тыс.; сала соответственно — 100 тыс. пудов и 30 тыс. пудов, кож лосиных и коровьих — до 100 тыс. штук и 30 тыс. штук²⁴.

В своей духовной грамоте 1572 г. Иван IV жаловался на одиночество. «Всеми ненавидим есмь», — утверждал он. Переписчик его духовной грамоты сделал примечание, что Грозный «от страха бунтов дозволил жить в городе Старице и Александровской слободе»²⁵.

После смерти Грозного (1584) опричную систему старался сохранить Борис Годунов, правивший сперва от имени Федора, а с 1598 г. самостоятельно. Годунов расправился со многими вотчинниками (Романовыми, Черкасскими, Шуйскими, Мстиславскими и др.), с некоторыми опричниками (Богдан Бельский и пр.), в угоду дворянам-помещикам усилил закрепощение крестьян. В 1597 г. был издан указ о пятилетней давности поимки беглых крестьян, в том же году — другой указ, позволявший феодалам обращаться в холопов вольных людей, прослуживших им за пищу и одежду свыше 6 месяцев. В стране начался страшный голод (1601—1603 гг.), людоедство.

Страшным ослаблением страны воспользовались внешние враги. В 1604 г. польско-литовские паны выставили самозванца Лжедмитрия I. Годунова и его опричную систему никто не поддержал: ни бояре-вотчинники, ни дворяне-помещики, ни купцы, ни казаки, ни крестьяне, ни ремесленники. Оставленный всеми царь отравился. Опричная система, установленная в 1565 г., окончательно рухнула в 1605 году.

В 1613 г. бояре и духовные лица — вотчинники, дворяне-помещики, посадские люди, купцы, казаки возвели на престол Михаила Романова, который стал править с боярской думой и земским собором.

Реакционный турецкий деспотизм, тирания уступили место абсолютной монархии. Помещики, опора деспотизма и тирании, постепенно превращались в вотчинников. Соборное уложение 1649 г. позволяло им передавать поместья по наследству. При Петре I поместья были окончательно уравнены с вотчинами. В 1682 г. было уничтожено изжившее себя местничество.

За 40 лет своего существования (1565—1605) опричная система и тирания сильно подорвали производительные силы страны, привели Россию к известным событиям начала XVII века.

²¹ Там же, стр. 54.

²² «История СССР». Под ред. Б. Д. Грекова. М. 1939, стр. 387.

²³ Посад на Волге «по названию Холопий, где круглый год бывал обычно торг; на нем встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, ногаи, черкесы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке... теперь же этот посад совсем запустел» (Г. Штаден. Указ. соч., стр. 66).

²⁴ Флетчер. Указ. соч., стр. 12.

²⁵ «Духовные и договорные грамоты XIV—XVI вв.». Л. 1950. «Духовная грамота царя Ивана Васильевича IV», стр. 426—427.